

Мамара Шабаренина

ЛИГА ФУТБОЛЬНЫХ ОКРАИН

Лицом к истории

Революционный подъем распахал в тридцатом девственную Сальскую степь. Как царица Сафская, отомстила земля: взялась черной бурей. Где ее черноземы? «Не достались никому, только богу одному».

Америка, уже перехватившая у России первенство производства зерна, вошла в раж: перевернула целинные прерии. И те же тридцатые ужаснулись светопреставлению! Черные бури сдули плодородные почвы. Рухнули фермерские хозяйства, тысячи обездоленных людей снялись в поисках пищи. Природа не терпит насилия. Бросовые земли американцы воскрешали долго и упорно. Пригодился вековой опыт России и новейшие разработки советских (!) ученых. Все гениальное просто: лесная защита, травопольный оборот, строительство прудов и водоемов...

Как единственно верная методика земледелия, наука легла в основу сталинского «Плана преобразования природы» в Советском Союзе.

И на Марсе будут яблони цвести

...Под старую телегою рабочие лежат.
Через четыре года здесь будет город-сад.
В. Маяковский

Строители обосновались в палатках: не по дням – по часам вырастала Уральская ЛЗС. Стройоборудование, новейшая техника шла. Реммастерские, гаражи, жильё. Компактная усадьба – уже центр, уже производство. «Через четыре года здесь будет город-сад!» Кто сомневается? Никто! Лесные полосы несут себя через Подстепное, Барбастау, Дарьинск, Бурлин и еще, еще... Студенты, школьники, работяги несут в дар своему краю единственный выходной. Станционные «смотрители» боятся посмотреть что-то из оргмоментов: саженцы, гумус, инвентарь, пирожки с чаечком. Если б еще и транспорт... Транспорта у города нет. Есть энтузиазм! Отмахать 5–10 километров, чтобы где-то за Подстепным высадить тощие саженцы – надежды на вырост...

Я знаю, город будет,
 Я знаю, саду цвествь,
 Когда такие люди
 В Стране Советской есть!

Знал и Хамза Сафин. Через десятилетия скажет: «Видимо, пережившие тяжелые годы войны люди воспринимали «зеленые движения» как добрый для себя знак: страна озаботилась облагораживанием земли, будущими урожаями. Работали с энтузиазмом, вряд ли возможным в нынешнем сытом времени».

Он скажет об этом, а пока: чертежи Бурлинской ЛЗС уже пошевелеваются, прораба ждут...

Тополя

И как в юности вдруг
 Вы уроните пух,
 Тополя...

Явление лесного прораба бурлинцам покрыто мглой и тополиным пухом. ГАЗ-53 подкатил в сумерки. Полон добра: цемент, рубероид для станции, наверху скарб, стол вверх тормой, чемодан станционного строителя. В кабине с узелком – жена прораба Ильхамья. Ночь – в приветном доме водителя.

Утро вечера мудренее: нашло дирекцию ЛЗС. Та, сама квартирантка, подселила молодых к колхознику дяде Васе. Такса скромная: за свет, за дрова. Ильхамья за Хамзой как ниточка за иглой: не спросит, что, куда? Сказал бы «к северным оленям» – узелок наготове. Одна печаль: в соперницах мужнина работа.

В Бурлине забурлили страсти. Две колхозные артели – хоть вешайся, мужики припочковались к ЛЗС: пахнет лесом, рубль – наличкой. Коровник с трудоднем ей не конкурент.

Но и стройка не сахар: руки – вся техника. Ни кранов, ни бетономешалок. Но овчинка выделки стоит! В том же году специалисты ЛЗС стали новоселами. Остальным – перспектива...

Радовались своему углу молодые. Ильхамья – имя лесное, в звучанье отдает ольхой, хвоей, елями. Счастливые, на воскреснике еще весной высадили на своей ЛЗС десяток тополей. Прижились. Пустили корни: почва щедрая, люди добрые...

Выросла роща. Соединила землю-небо. Величава. И когда к ней приходит человек почтенного возраста, глядит на него глазами его товарищей: иных уж нет, а те далече... Стволы огладит, приобнимет. А к одному прильнет... Деревья умеют слышать молчанье.

Навещателя рощи в сентиментальности не обвинить. Душу, зря где, не распахнет: не пальто... Но кажется: ухнет топор в тополином царстве, рухнет он, Сафин. И в дни тополиного пуха случится метель.

Брызги шампанского

В Бурлине Сафинскую профессиональную деятельность оценили высоко. Решили: талантливый человек талантлив во всем – посватали на должность партийного секретаря сельскохозяйственного отдела.

– Да он же пшеницу от ржи не отличит. Он же строитель! Да и не любит бумажных дел.

– Стерпится, слюбится... Этот вопрос уже в ведении свадебных генералов.

Вот тут-то Сафина и выхватил из-под венца начальник ТерУправления:

– Так, значит, району не нужен квалифицированный специалист?

– Стало быть, так...

– А ТерУправлению нужен! – подотчетному только Москве Войцеховичу ход конем на шахматной доске кадров нетруден.

Сафину – работа по специальности в Уральске. Как в сказке: «И роди богатыря мне к исходу сентября» – то бишь построить лесную школу к сентябрю!

Что Хаврошечке? Есть буренка. С уха в ухо, влезла-вылезла: беги, отчитывайся!

У прораба – план действий: полдела. Остальное – с рынка. Даже рабочие руки.

Базар – стихия: кипит-шумит-плещется. Мастеровой без мастера: не востребован.

Бьет вальтом бубновую даму: рисованные серьги – звоном!

– Можно ль этак с дамой? Подработать не желаете?

– Желает, а надо – артель приведет! Договор дороже денег!

Бесхозный угол одноэтажки под углом зрения прораба – особняк в два уровня! Кирпич – шелк ноготком: на три века хватит! И вся экспертиза... Тут слышно – тапочная фабрика в гражданку окочурилась без тапок. Бережная разборка: ни шнурка, ни подошвы. Цоколь явил подвалы – «винный склад» сорока

на хвосте принесла. Славное историческое прошлое подвалов заметно ускорило

очистку. Натыкались на бутылки с вензелями. Проклятое прошлое дегустировалось.

Портвейн настоящего мерк. Байки? Но прораб Сафин собственноручно

угодил к раскупорке. Как в его честь взлетела пробка! Пенной шибануло пуще

пожарного рукава. Осталась лишь часть. Пожарная часть по-соседски насто-

рожилась: «Не огнеопасно ли?» «Отрава!» – обеспокоилась артель. «Пиво!

– опрокинул в себя тот, у кого нутро горело: – Или шампанское...» Наклейка

истлела. Кто знает...

К началу учебного года на новом фундаменте в брызгах шампанского пива

Лесная школа поднялась как на дрожжах. С новомодным водяным отоплением.

При дворе – кочегарка, подсобки. Живи, Лесная, готовь свои зеленые кадры на

пользу родного края!

Войцехович развел руками: расторопный, безупречный, обязательный человек

в его штате!

Кто в теремочке живет?

Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,

Если терем с дворцом кто-то занял...

В. Высоцкий

В ТерУправление поступило два сборнощитовых дома. Полагалось установить на Чагане. В одном из них должна быть печь – из кармана Войцеховича выплыл листок с чертежом: «Вот такая. Сам придумал!»

Прораб глянул: вроде обычная, русская, но с котлами и прочими закавыками:

требует хорошего печника. Найдется... Но про своего начальника через тот чертеж

понял больше, чем нужно прорабу...

Прошедшие партизанскую войну, где каждый шаг – по краю, они с женой оказались здесь, а не в родных местах по воле партии, по грандиозному делу. Ютятся при служебной конторке. Нарисованный очаг греет. Да этим людям надо не щитовой, терем! И когда работа объекта открылась приемной комиссии, она увидела терем, где оштукатуренная печь – как невеста на выданье: волшебный печник вложил в нее и свою душу. Комиссанты отказались принять жилье. Акт не подпишут: нарушен проект печи.

– Но это проект заказчика! – защищал печь Сафин.

– А кто он такой, чтоб заказывать?

– Герой Советского Союза!

– Ну и что? У нас все герои! А плита – не там, труба – не здесь!

– Советские люди таких печек не строят! – подытожила бы знаменитая управдомша из своего будущего...

Сдержанный прораб Сафин из своего настоящего сдержанно послал госкомиссию к черту, а она почему-то пошла в горком партии. Пришлось туда топтать и прорабу.

– Что там? – оторвался от стольных дел ответственный за регионстрой куратор. – Будущего хозяина печь устраивает?

– Устраивает.

– Пожара не предвидится?

– Никак нет.

– Ну и точка, – по-соломоновски рассудил чиновник.

Хамзе Сафину опять подмигнула победа: «Я с тобой!»

Что день грядущий нам?..

Переходящее Красное знамя, попав к Сафину, уже никуда не переходило: «Нет уж, первые, так первые!» Всесоюзное совещание по лесозащите в Ростове-на-Дону вторых-третьих не приглашало. Многоэтажную гостиницу «Дон», уцелевшую в покоренном городе, слегка покачивало: дебаты. Глухие раскаты грозы прошедшей и будущей проносились. Профессора, академики доказывали свою правоту. Казалось бы, что строителю до тонкостей лесного дела? Сбоку припек. Трибуны убедительны: все правы!

Собственно, Сафин одной ногой был все еще во вчерашней Москве. По инициативе Войцеховича махнули через нее, точнее, через лесное министерство. Еще точнее: через кабинет самого министра. Заседание коллегии вышло с вкрапом чествования гостя из Уральска: «такому и такому», министр пожал руку. Почетная грамота, премия и персональная «Победа» во дворе – на день с гидом.

...Шумная суетная столица катит Хамзе навстречу высоткой, посмевавшей взлететь выше храма. С Ленинских гор МГУ – крепость науки, восходит. Краны, стропила: строится Москва, разбирает солнце по лучику на окна.

Сафин помнит златоглавую 44-го года: куталась в маскировочный плат. Холодная, темная, захлебывающаяся дождем, а может, слезами. Рижский вокзал готовился проводить на фронт бойцов, едва оправившихся от ран. «Свинарка и пастух» выясняли отношения на экране зала ожидания. Как и все хорошее, фильм закончился неожиданно. А так смотреть бы и смотреть на чужое, но счастье. За

дверьми черт-те что: холодрыга. Безрадостно. Девочка, которой носил портфель, уже не напишет. А вдруг?

«За это надо сражаться!» – сказал старшина своему захмуревшему попутчику. Имея в виду мирную сущность фильма.

«Да, – согласился Хамза, держа на сердце сугубо свое. – Да!» И ощутил себя в зале, где кипят научные споры и где все абсолютно правы...

Президент сельскохозяйственной академии Лысенко, стропильного вида, с зачесом, пришиб зал долгим докладом. Указка прошла по развешанным диаграммам как единственно верным.

Поднявшийся из-за стола почтеннейший академик Сукачев рубанул «по стропилу»:

– Батенька Трофим Денисович, все, о чем вы толковали тут, – чепуха! – Пояснил: – Реестр насаждений ой как рознится по засушливым, влажным, прочим поясам державы, – затмил лысенковские диаграммы своими: – Так-то, батенька!

Сафин не предполагал, что «войны титанов» очень скоро аукнутся на его Родине. Несладко придется строптивому академику Сукачеву.

Но что заглядывать вперед? Есть сегодняшний день, и он хорош. Человеку для счастья нужно немного: уважение к его труду, признательность и денежная премия в размере месячного оклада!

Перед отъездом будущий папа зайдет в магазин: купит все для малыша, его мамы, своей мамы... Себе – пальто! В жизни каждого советского человека такое приобретение – событие, равное запуску искусственного спутника. Но спутника еще нет, а пальто – вот!

«Жить стало лучше, жить стало веселее» – скажет Сафину Иосиф Виссарионович с уличного репродуктора.

«Ага, – согласится счастливый человек, – веселее!»

Распрягайте, хлопцы, коней

Все выше, и выше, и выше

Стремим мы полет наших крыл...

Из песни

Пять конезаводов в области, как пять отдельных государств. Непорядок: нужен трест. Таблички на здании ТерУправления лесозащитных станций потеснились для нового ведомства. Возглавил Хамза Сафин. Лошадиные силы ценились. Гремевший былой славой начдив Буденный на посту в Главке неровно дышал на отрасль коневодства. Завод в Приуралье, названный его именем, не преминул посетить. Говорят, остался доволен.

По строительству новых Сафин прикидывал перспективы, заносил ногу в стремя сельского хозяйствования. Но через восемь месяцев: «распрягайте, хлопцы, коней» – приехали.

Пятьдесят третий год унес жизнь Сталина вместе с проектом века. Мартовский пленум партии объявил существующую аграрную политику «чуждой социалистическому строительству». Утвердил новую. Рекомендации классиков степного агроповедения – по барабану. Научные стационары Академии наук – под распашку. Травопольную систему – на осмеяние журналу «Крокодил». «Зачем

выращивать лес, когда не хватает хлеба?» – крылатая фраза Первого секретаря ЦК КПСС разлетелась по стране, вводя в недоумение хозяйственников. Они усвоили: «Лес – залог большого хлеба!» ...Хрущевская команда крутанула географический волчок. Волчок остановился на Казахстане.

Игра не обошлась без человеческого фактора: президент ВАСХНИЛ, сельскохозяйственной академии, ученый с мировым именем, Николай Вавилов сгинул в заточении. «Крестьянский академик» Лысенко, измеряющий конечностью готовность земли к зачатию, быстро набрал звезды героя, доверие власти. На коне. На кону судьба огромной державы.

В полярно поменявшемся сельхозпанно страны Уральск вписался опалой лесного движения, остановкой лесополос, закрытием треста конезаводов. Никто ничего толком не понял в большой внутривенной политике... «Большое видится на расстояньи...» Лет через шестьдесят в журналах вспыхнет как табло: «Лысенко дали ход – началась грандиозная афера, угробившая агрономию СССР и едва не похоронившая сельское хозяйство».

Для кого авантюра – для советского народа трагедия и трудовой героизм... Америка уже вернулась на свои почти восстановленные прерии, выращивала на них «мраморное» мясо. Советский Союз, протянувший ей средство спасения, наступил на те же грабли с черными бурями.

Известие «об освоении целинных и залежных» народ принял, как всегда, с надеждой: счастлив в неведеньи. «Светлое будущее» вздохнуло: ему видней...

И все ж месяцы работы Сафина на поприще хозяйственника – не аллюр на розовом коне: опыт. Второй секретарь обкома Ливенцов увидел в молодом, деятельном задатки крупного руководителя. И быть посему: должность начальника управления капитального строительства облсельхозуправления пришлось Сафину впору. Согласие на эту «высокость» было как прыжок в половодье: сорок пять совхозов, колхозов – под триста, сороковушка машино-тракторных станций. Но он знал, на кого опереться: на существующий коллектив управления. Здесь каждый знал все нюансы хозяйствования.

Дела предстояли. Партия решила укреплять полумертвые хозяйства. Строить новые – дело сафиных.

Метельные дрожки

Степь да степь кругом,
Путь далек лежит...

Из песни

Дорога по беслесному пространству, по лесным делам. Темнело. Лошадь – легкой рысцей: Джамбейта навстречу не спешила. Повалил снег, как всегда, неожиданный. Как всегда – на голову. Сафин накинуд дорожный тулуп. Сразу же налетел сиверко: «Отдай!» Не отдают? Ну-ну... Через минуту наскочил буран. Возница пришпорил коней. Но те вздыбились, заржали, понесли: волки! Шубняк – шерсть дыбом: боялся вылететь из саней – порвут в клочья! Хозяин крепче сжал поручни. Не сон. Явь в пасти стихии: чавкнет – и нет тебя! В такие миги вспоминают не генсеков – тех, кто неизмеримо выше. И мелькнула тусклая звезда: а может, окно крошечного селенья. Кони влетели сами в первые ворота!

Лихие, лихие бураны в казахстанских степях. Один такой расхаживался на пути в село Чапаево. Но Сафинская машина – «фырк» – и встала: кончился бензин. На веревочке не потащишь. Бросил. Вихри чертят кренделя, гонят, как военнопленного. Избушка егеря – чудо! Только зашел, и – светопреставление! Два дня за стеной бесилась нечистая сила. Два дня егерь угощал гостя осетровым беспармаком. К килограмму черной икры была подана ложка с поварежку: хлеба нет...

«Икранный» эпизод в кинофильме «Белое солнце пустыни» – как из наших краев! Так ли, нет, но егерский дастархан надолго отбил у Сафина интерес к дарам Урала.

А еще было путешествие с Аксая в Бурлин: торопился к жене-сыну. Путь – сорок два километра! Переход через весеннюю Утву подпортила темная льдина: ушел в воду по пояс. На берегу одинокого путника никто не ждал. Утва – не Неман. Там подхватили: дали винтовку, ватник, шапку, сапоги с фрица – и в засаду. Над скрытным окопом поднялся пар: просыхала амуниция сержанта Сафина, рассекречивая объект...

От степи секретов нет: разделся, отжал одежду, вылил воду из сапог и вперед, как на войне! Как на войне, председатель колхоза налил ему солдатские сто грамм. Заставил выпить. Утром тело ныло от перенапряга, но вполне трудоспособно – ни чиха! Тайны скрытых возможностей человеческого организма ученые могли бы изучать по крепышу Сафину. Но ученые далеко. А у человека – работа.

Ларец для печати

Москва – с миру по кадру, – в казахстанской Березовке клуб переполнен трудовыми резервами под завязку: если еще и сельхозстрой в лице Сафина – треснет по швам! Москвичи, уставшие с дороги, где голову приклонить, не знают. Шумят: еще немного, и толпа родит Пугачева, Разина и, может, Махамбета... Девушки – как на бал: в тувельках...

– Что в тувельках-то?

– Так ведь сказали – солнечный Казахстан!

– Все ясно, романтики: «Нам вручил путевки комсомольский комитет...»

С десяток лет назад и он, комсомолец Сафин, летел на фронт. Фильм «Если завтра война» окрылял. Расстрелянный эшелон перемолол крылышки... Все всё равно бы пошли на бой. Но с некрашеной правдой легче...

«Мессерью» сюда, слава богу, не прилетят. Земля ждет рабочих рук. И он им золотых гор не пообещает. Жилье, достаток – да. Но прежде романтиков надо накормить, напоить, расквартировать.

А что об этом думает местная власть? Власть обитала в просторных хоромах. С фасада видать – экспроприированных. Где кулачок – неизвестно. А дом, любовью строенный, себе на уме: тоскует... Почему бы его не экспроприировать еще разок?

– Хотите ликвидировать Советскую власть в Березовке? – вытянулось по диагонали лицо предсельсовета.

– Для нужд первоцелинников.

– Протестую!

– Ваше право!

– Буду жаловаться! – власть в кепке рвала районный телефон. – Здесь государственная печать!

– Возьмите домой.

– Возьмите себе!

– Не швыряйте: она может обидеться и к вам не вернуться.

Сельсоветское имущество – стол, шкаф, печать – уехало на телеге. Местные мастера стукнули молотком, превратили слишком просторный ларец для печати в столовую; пристройку – в кухню... На самоуправство представителя облисполкома полетела жалоба в серьезные органы. В итоге история битвы за советскую власть в Березовке облетела всю область, газеты, книги местных авторов. Стала не то притчей, не то легендой.

По следам начдива

После войны страна зачитывалась книгами о войне. Документальный бестселлер «Люди с чистой совестью» проглатывался за ночь. Соавторами у Петра Вершигоры были партизанские тропы, реальные судьбы. В сборе материала о Чапаеве писатель оказался в Уральске. Конкретно: на лесозащитной станции у боевого друга Василия Войцеховича, бывшего начальника штаба партизанских соединений под командованием Ковпака. Вместе – от Путивля до Карпат. Пять рейдов – десять тысяч километров по острию ножа... Генерал-майор, представительный, бравый, при полном наградном арсенале, лауреат Сталинской премии. Хоть картину пиши. Два героя Советского Союза! Как не позвать третьего? Войцехович представил старому другу нового: с Хамзой Сафиным он – накоротке.

Писатель острым оком зацепил его орден Красного Знамени, рубчики на лице. Где? На Украине? Значит, наш! Значит, с нами: в поездке «по следам Чапаева» переводчиком будешь. Сборы недолги... И вот – позади приветившее их село Бударино. Встреча с чапаевцами, экскурсия в музей и к бабушке Уралу: не перевелись еще в нем осетровые. Опахнуло ухой, дымком. Черную икру, как когда-то Пушкину, предлагали кушать ложкой. Богат дастархан. Но писатель не забывал о своем ремесле: закидывал «удочку» на широкий разговор о житье-бытье. Но собеседники на полную катушку всего не расскажут. Мало ли чего...

Может, Урал откровенней?... С крутого яра, откуда ринулся в свою погибель Василий Иванович, объемный обзор: писателю дано увидеть тот злополучный рассвет плывущего горя.

«С характером река», – почуял мастер пера норы Урала. Хамзе вспомнилась другая река, шипевшая от снарядов. Гибла переправа. Плот на дыбы, взвод – кто куда. Тянут на дно вериги одежд... Сбрасывал сапоги, шинель... Ступал босыми ногами по мерзлomu насту...

По горячему песку Урала пробежал холодок памяти и исчез... Какой же хороший день у Хамзы! Брошенный камешек поскакал по воде далеко. За ним хотел угнаться голландчик Василия Войцеховича, да куда там... Петр Вершигора размахнулся так, будто хотел достать до того берега: но камешек быстро скрылся под водой... Сорокасемилетнему, ему оставалось жить чуть больше десяти лет. А казалось, рассчитан лет на сто двадцать. Видно, разницу забрали партизанские тропы. Книга с его автографом, подаренная Сафину, тоже пропала во времени, как камешек под водой.

Целинная предтеча

Покой только снится, я знаю.
 Готовься, держись и дерись!
 Есть мирная передовая –
 Беда, и опасность, и риск.

В. Высоцкий

Заглавное управление сельхозстроя свои служебные помещения делило с прочими «упр...» под крышей облисполкома. В доме со львами царило чинное затишье. И вдруг не выстрел «Авроры» – пятьдесят-целинный год. Величественные стены превратились в Смольный. В эпицентр завихрений – кабинет Сафина – шли ходоки, ехали проектировщики. Потолок подпирали колоннады документации. Казалось, еще немного, и они приподнимут крышу на проспекте. Времена смешались от наплыва неотложных дел. Гостиница в доме Карева-Кирова не вмещала приезжающих. Выручали служебные столы: ночью служили кроватями.

Серьезные львы у дубовых дверей, если б реагировали на туда-сюда-обратно снующих, открутили б себе каменные головы.

Казалось, всю империю по круговой втянул в себя ток великого переселения народов. Тутошние жители по всей земле искали страну Беловодию. А она, выходит, тут? По постановлению партии, так и есть. Люди меняли бархатный климат, обжитые края на необжитые, резко континентальные. Центральную российскую житницу, обнищавшую за годы войны, объезжали державные блага. Покидали люди. Деревни пустели, спивались...

...В пятьдесят шестом на Западный Казахстан напало богатство. Горы зерна прибывали и прибывали, как будто была поймана кем золотая антилопа. «Еще, еще!» И она била золотой ножкой, высекая пшеничное золото.

Мизерные зерносклады, маломощные элеваторы, переполненные закрома. «Да хватит уж!» Но волшебная зверушка не останавливалась: била невозможным копытцем, как мстила. Сафинская команда забывала про сон. Зерно – что дите малое: уход и уход. Взметнулись лопаты, дабы не «загорелось» на токах. Спешно сбивались опалубки: бутовый камень, мел, шлак – все, что под руку, заливалось раствором цемента: вот стены для золотой кладки! Но и их не доставало. В отчаяньи тонны зерна легли на бетон аэродрома: «Не припутите – улетим». А что если дождь? Брезентовые полотнища заботливо укрывали.

В соседних областях, слышно, уходили поля под снег: не хватало техники и уж, верно, таких Сафиных, как в Уральске.

Ты – мне, я – тебе!

Все, что партией было обещано народу,
 народу предстояло еще выполнить.

Была целинная победа. Был триумф: поздравить западноказахстанцев приехала секретарь ЦК Екатерина Фурцева. Церемония проходила в театре. Скромный Сафин занял место на балконе. Слушал, «как далеко пошли колхозы в своем развитии... Но не все...» – Екатерина Александровна поведала, как в одном из белорусских хозяйств кремлевскую делегацию не нашлось чем накормить. Оголо-

давший Ворошилов сделал вывод о плохой работе колхозников: «Руководи вами хоть Карл Маркс, чьим именем назван колхоз, из нищеты не вылезти!»

А сколько таких бедствующих было у нас? Сафин объехал всю область вдоль и поперек, знает: с фронта мало кто вернулся. К тому ж в войну сводили со дворов последнюю лошаденку: бабы вспашут... Бабы выдохлись. Подоспела свежая сила. Поднятая целина подняла этот край по всем уровням жизни. Но все равно строительство предлагают вести за счет местных ресурсов. Есть шлак – строй из шлака, камыш – строй из камыша. Ладно, для подсобных помещений, но дома? Западноказахстанцы решили строить из леса, которого у них нет. Ничего: рабочая сила – своя, техника – своя; напилем, стрелюем, привезем из любого медвежьего угла. Налаживаньем отправки груза Сафину пришлось заняться вплотную.

Челябинская область. Делянка за тридцать километров от станции... Вывезти лес: то вагона нет, то возможностей. Хоть прописывайся. Добрые люди подсказали путь к сердцу ответственных лиц: через магазин! Бутылочка за двадцать один двадцать, кусок колбасы – и заветные двадцать два вагона – твои. В конце теплой беседы и еще бы дали. Ну, не надо, так не надо! И вся коррупция!

В лодке со звездой

Превозносит над миром
Такие сердца
Неразумная сила искусства.
Н. Заболоцкий

Недостроенные объекты в канун праздников – напряг. С аксайским кинотеатром и чингирлаусской школой торопили. Управляющий трестом на стройке как прописан.

Стук-стук! – требовательней, чем секретарь парткома, постучал организм в грудную клетку: напомнил, как случаются инфаркты.

– Отпуск, отдых, – вынесли вердикт врачи.

– Как? Перед славным юбилеем Великой Революции? – нахмурился тот, кто хмуриться обязан.

Но решительный верх решил вопрос путевкой.

Санаторий «Марьино» предстал перед приезжим старинным дворцом. Любое пошатнувшееся здоровье при его виде должно нормализоваться. Дремучая ель в узких готических окнах, наверное, видела князей Барятинских до пятого колена: из таких дворцов и после смерти, и после экспроприации в пользу ЦК не уходят. Особенности люди видели здесь и гостевую бричку Тургеневых. Скажут же... Но как знать?

В столовой уральца подселили к столу москвичей: марксистско-ленинскому светилу, звездной паре актеров – Юрию Любимову, Людмиле Целиковской. Боже, ужаснулся именитый строитель, да можно ли при них есть борщ? Небожители... В детстве Хамза небесную сферу исколесил с Жюль Верном. Читал при луне. Звезды срывались искать с ним канувшего в пучину Ихтиандра, прятали в своих туманностях Аэлиту.

А еще друг его, москвич, командир минометной роты Валентин Горбунов: «...как жену чужую, обнимал березку...» Есенина – наизусть. Никому нельзя

высказывать иных тайн: поэту можно. Странные чувства накрывали тонкую субстанцию – окирзовевшую душу.

– Почему под запретом такая сила?

– Чтоб солдаты по березкам не лазали! Фрицев били.

Запретный плод сладок: стихи записывала память: «Не ходи так часто на дорогу в старомодном ветхом шушуне...».

Проступала строкой осенняя неяркая мама. Пугался за маму.

– Здесь стреляют!..

– Давай я тебя нарисую, – сказал однажды Валентин, – отправишь рисунок ей.

...Карандашный набросок живет где-то в бумагах у родни. А Валентин вскоре погиб. Вот и все искусство...

Санаторное время прописало безвозрастность. Солидный человек, как школьник, боялся поднять взгляд от тарелки. Поднял – встретился со взглядом звезды... Облучился: на ночные светила глядеть надо через телескоп. А вообще-то что такое звезда? Плазменная поверхность: внутри газ, пыль. А звезда земная?

В полдень на небе ни искорки. А эта, в пестром халатике, светит. Влияет на амплитуду водных колебаний. Многие пруды-озера окрест, уж верно, пересохли от любви к ней. Лодка – носом в песок – могла бы в полулежке вздремнуть; да как: берег в звездных скоплениях купальников-юбок-шляпок. А светит одна.

Нет, странные все-таки отношения у этих звезд. Она режется в преферанс, в незвездные карты, он пропадает в бильярдной. От такой-то красы... Иногда веселят публику сценической миниатюрой. Удел звезд – очаровывать: работа. Сегодня засветила берег и его лодку. Солнце, а светит только она.

Был бы телефон будущего, позвонил бы в Уральск: «Как там объекты?»

Мысль полетела-вернулась: взжурчал берег:

– Любезный, не покатаете ль по озеру?

– Я? Да. Конечно, да! – встрепенулась лодка.

Застеснялись плавки, взвилось трико – заскакало, не попадая в ногу...

– Да не стесняйтесь. Не стесняйтесь вы! – застольная соседка улыбнулась во весь озерный экран – и все присмирело: трико, и лодочник, и лодка...

Озеро ворковало под сильным, неспешным веслом. Ключицы поскрипывали, сопереживая исповеди залетной гостьи.

Ах, ах, жизнь у звезды беззвездная. Каторга: ночные съемки выматывают; она забывает имя мужа и сына. И никакого святого духа в личной жизни. Кино – игра. А за кадром...

– Но расскажите, расскажите о своей работе!

– А что я могу о ней рассказать? – удивился скромный собеседник.

Он мог бы рассказать, какой кирпич идет на цоколь, какой на несущие. О том, что грубая работа строителя требует знания высшей математики, эстетики. И любви. Только любящие люди могли воздвигнуть такое великолепие как особняк в Марьино. Чистое искусство.

Ах, как бы она хотела чистоты... Ах, как бы она хотела работать на стройке! И хоть на короткое время очутиться на его месте!

Представить себе актрису в кресле управляющего трестом «Уральсксельстрой»? Но можно и не представлять: гравитация разочарования уже скользила по водной глади. Весло измерило предел светимости звезды.

За кадром славы

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы –
просто некуда деться!
И спускаемся вниз
с покоренных вершин,
Оставляя в горах свое сердце.

В. Высоцкий

Девяностые. На крутом повороте страна обронила самое слабое звено – старых-малых: оптимизация в школах, закрытие детских садов. Дефолт – и еще одно слабое звено – инвалиды. О тех, с испокон века, заботились лишь мизерными субсидиями – пропали и они. Нет войны, а рабочие корпуса – как после бомбежки. Ломать не строить.

Про Сафина, уходящего на почетную «персоналку», вспомнили алма-атинские флагманы: предложили должность председателя областного общества инвалидов: все равно денег для пенсий в собесах нет. А он – практик: «из ничего – чего».

Человека победы степь помнила еще с сафинских роц, с сафинских строек. И вот – покатил по районам под знаком милосердия. Панорама былой житницы щемила сердце: ржавеющая техника – кучами. Перевернутая жатка в поле жнет облака: безработица. Приватизаторам «мерси» и за малые засева. Будут с хлебом – своих беспомощных сограждан не бросят. Или как? Убеждал. На всякий случай, Сафин «подбил» тогдашнего мэра Джакупова на введение в области «Месячника милосердия». Дабы, отныне и присно, долг имущих – помогать большим и калечным.

Для инициатора акции месячники – круглый год. Почаевничать некогда. Но он и не чаевничал в кабинетах: «На работе – работать надо!» Безразмерный рабочий день – норма. Новая должность была сравнима с работой спасателя. Звонок ортопедов: «Коляска готова». И – в путь с подарком. В прохладном поселковом клубе тепло: надышали. Мальчику семь. Ножки – как у тряпичной куклы, не сделали в жизни ни шагу. Но он запомнит, как незнакомец берет его на руки, сажает в коляску, объясняет про управление. Нажатие ручки – транспорт двинулся. И тут мальчик понимает, что может оказаться и в том конце зала, и в этом! Сам! Новые железные ноги на резиновом ходу не останавливаются! И не было удер-жу прорвавшейся из него энергии. И все улыбались его улыбке, радовались его радости! И всем хватило расплескавшегося света! И хватило слез сопережить недетское горе...

Колясочная «санта-барбара», она и о женщине, из-за калечности кушавшей только с пола, и вот – королевой усаженной во главе стола, сияющей от счастья!

И о девочке, получившей ходунки, машущей ручками-ластами, кои не вырастут никогда; о ней, читающей стихи о красивой, нежной придуманной маме...

Сафинская дипломатия открывала двери школьных спортзалов «для своих», двери офисов и даже бани, когда понадобились шкафчики. В одном из подвалов магазина оборудовали теннисный корт, клуб шашкистов, шахматистов.

Всемирная специальная Олимпиада в Канаде открывала границы для сильных, смелых с ограниченными возможностями. Сафину прилетела депеша: казахстанскую сборную дополнить двумя участниками. Дополнили. Отправили с божьей и спонсорской помощью в Торонто за славой!

Судейская коллегия в Канаде обомлела, когда конькобежец на последнем, пятнадцатом круге, летящий на золото, рухнул: мощно, как поезд с рельс. Катастрофа! А он, разбитый – к финишу! Не как побежденный, как победитель! Его обгоняли здоровые ноги: в шорт-треке такие и нужны. У Кубайдуллы Хасанова инвалидность по правой (конь, влетевший в загон, упал, подмяв девятилетнего седока). Герою финишной драмы аплодировали трибуны. И взорвались вновь, когда шагнул к пьедесталу: серебро!

На тех Играх по ранжиру выстроились на пьедестале Россия, США, Казахстан. Казахстан знакомил мир со своим гимном! В том «повинен» был Уральск, его спортсмены. И, разумеется, те, кто за кадром. Кто положил начало уральскому спорту для не смевших об этом и помыслить.

– Если бы не Хамза Абдрахманович, разве бы я поплыла? – задалась вопросом Сания Бибарсова.

А она поплыла. И «золотая-серебряная» вписала свое имя в анналы республиканских игр!

Награды – наградами. Главное, вовремя помочь этим людям. Если бы не помогли, разве могло бы общество наше причислить себя к гомо сапиенс?

За шестнадцать лет Хамза Абдрахманович создал организацию, охватывающую больше двадцати тысяч человек с ограниченными возможностями. И, крепкую, передал в надежные руки. Здесь давно научились отстаивать свои права, вносить поправки в законы. Но это дела сугубо домашние. За рубежом спортсмены делают все возможное и невозможное, чтобы поднялся флаг Казахстана. А как же: Родина!

По Арбату памяти

Моих друзей стремительный уход
Той темноте за окнами угоден.

Б. Ахмадулина

Старости нет: бодр дух, крепок шаг. Уральский арбат – через всю жизнь.

У школы № 13 памятник учителю. Федор Степанович читал Пушкина – класс не дышал. Строфы ложились на память. На фронте при затяжных марш-бросках старший сержант читал их сам себе, а то и взводу: кучерявился путь. Через вязанку десятилетий не забылись: возвращаются с баритоном учителя. А под пиджачком у литератора и рубашки-то нет. Не было: душа да манишка!

Проходная овчинно-шубного – монумент механику Плахотному. Впечатляет: с руками! Не было рук у механика. Скульптор не пожалел материала на них, потерянных в машинном отсеке парохода. Воссоздал. В сорок первом он учил мальков слесарно-токарному делу. Ногой – как указкой: подкрутить-ослабить. Страницы учебника переворачивал носом: «Выучить!» Уж мальчишки и выучат, и сигарку свернут, и в туалет, и домой проводят. Любили...

Кузнец Лукьяныч вместе с его казачьей бородой и присказкой «язви его душу» – на барельефе. Хорош, хорош... Железо под его рукой пищало, боялось послушаться. Не шалили и они...

За углом мраморная скамья, мраморная пожилая пара: «Не дождавшиеся сына». Это Холодовы. Директор овчинно-шубного с женой... С Володей Холодовым Хамзе было легко. Друзей знали все три реки, пустыри и тропинки... Покидали Уральск одним эшеломом. Толпу провожатых роднила одна печаль, одна надежда.

Их развели рельсы. Попрощались по-взрослому, за руку. Оказалось, навсегда. В сорок третьем Холодовым пришла похоронка: «Убит подо Ржевом...»

Фронт горел не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев, наконец?

«Наш он, наш!» – ах, если бы можно было докрикнуть до друга... Холодовы приходили в их глинобитный домик, когда вернулся Хамза. А что и говорить? Глядели в его глаза, как будто в них мог остаться тот взгляд Володи, перешагивающего через рельс, через жизнь.

В родном техникуме музейное помещение: память в альбомах. В витражах весь его курс. Преподаватели – в саду: кто у цветника, кто в тусовке, кто сам по себе. Всем – в пояс: воспитали сугубо уральскую плеяду технарей, ученых... Хамза учился без отрыва от производства на высших инженерных курсах в Академии архитектуры и строительства в Москве; в инженерно-строительном институте имени Куйбышева на факультете повышения квалификации кадров. Но таких преподавателей, не заглядывающих в конспект, захватывающих студентов с головой, не припомнит.

Начало прогулки: идти еще и идти. Только оглядываться нельзя: ничто, никто не обнаружит и следа возведенных на пьедестал. Это судьбоносные вехи. Это память «гуляки» по Арбату. Пришла и уплывает.

Скоро уплывет непридуманный памятник «Мише...». Где-то рядом с ним память об отце: были ровесники, когда стояли в Гражданскую за Уральск... Но что попишешь? Эпохи за углом уж как-нибудь разберутся друг с другом. Но он, Хамза Сафин, хотел бы, чтоб его внук, старший лейтенант Артур Стародубцев, имея дело с радиометрией и космической разведкой, не знал ни разборок, ни войн: ни земных, ни небесных: дабы не покалечить еще не распаханную галактику.

Репортаж из ресторана

Друзья вспоминали минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

А. Пушкин

В этом ресторане, будь в нем маленькие столики – сдвинулись бы в клуб по интересам. Но столы были компанейскими – мэтры строительных фирм обустроились за одним – давнишнее братство: свела профессия, сплотило время, сроднил Сафин.

Солидные гости, они же и учредители праздника, с легкостью школьников вспорхнули со своей «камчатки» поздравить соратника, друга, не поучающего

учителя. Под ясным месяцем шевелюры тот присоединился к их полукружью. И не потому, что в ресторане резко молодеют: заговорили, заискрились, потому, что распахнулась душа. «Как молоды мы были!»

Минувшее, связанное с именем виновника торжества, всколыхнулось ситуацией Валентины Михно: юная мадонна с младенцем нуждалась в садике, их в то время, как и в наше, – днем с огнем... Пошла на прием к Сафину: всемогущ. Всемогущие могут не все. Сафинский кабинет в просьбе умнице, красавице, штукатуру-маляру, активистке профсоюза отказал. Но отказал так, что шла – улыбалась, будто получила место в двух садиках: на выбор! Чему улыбалась-то?

А кто знает? Наверное, культпросвету: пониманию трудностей страны, надежде на будущее.

Юбиляр, его талантливая последовательница и вся стройкомпания могли повеселиться в память тому далекому дню. «Как молоды мы были!»

В том далеке с «социалкой» и впрямь беда: поток страждущих. К начальнику – как к богу. У бога – план сдачи промышленных объектов: на месяц раньше срока... За паузой три детсада, три общаги. Четыре тысячи штат: на три четверти – женский, постоянно беременный. Ясли-сады за рамками заглавных строек. Люди – трудовой ресурс. Сафину трудовому ресурсу смотреть в глаза: «Потерпите, славяне». Но на гражданке у терпенья есть срок.

...Пионерский лагерь – побочное дитя треста: выросло на субботах. Свой, уже «не стрелять» путевки у прочих. Но как узаконить пионера? Хоть женись на прокуратуре! Так ты успели осведомить о нецелевых тратах, нарушении часовых рабочих норм. Перекрыли финансирование. Сафин махнул в Алма-Ату.

– Молодец! – сказал министр, вникнув в суть сыр-бора.

И сам оказался молодцом: взял под свою ответственность «деанья» уральского неформала. Кумачовый лозунг на заборе не врал: «Все для народа!»

«Как молоды мы были!» Александру Маючему, известному предпринимателю, на ту пору – секретарю парткома треста, помнится история с элитным домом. На долю жилья для строителей положил глаз горисполком: длиннющий список острануждающихся в элитном жилье не оставлял надежды... Бодался теленок с дубом. Строители обдумывали защитный ход: пешкой, конем? «Королем!» – решил Сафин... И главный карандаш области прошелся по спискам.

– Наша взяла! – радовался Ленинский проспект. Но если бы не Хамза Абдрахманович, не ход королем...

– Вы что? – нахмурил бровь Горисполком. – Вернул бы долг в следующем доме, не элитном...

– Все вопросы к Мустахим Биляловичу, – кивнул Стройтрест в сторону обкома. Напомнил: «Народ и партия едины».

«Мне везло на хороших: учителей, друзей, соратников», – скажет юбиляр...

Подобное – к подобному. Увидеть столько и сразу красивых лиц – уже праздник! Про красоту задача: «Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде...» Огонь мерцал. Город гордился: не перевелись еще любящие его люди!

Такие жили во все времена, во всяких режимах. Зачастую не благодаря им, а вопреки. Оставляли за собой добрый след... Когда-нибудь, в последующем веке,

архивы расскажут: что-где-когда построено. И кем. Имена, даты воссияют, как тот «водопровод, сработанный еще рабами Рима». Строка к празднику. Будни строителей «не ради славы, ради жизни на земле», – как сказал бы Хамза Сафин и близкий его сердцу, все тот же незабвенный Теркин.

Сафинские зарубки

«...Я был участником «разгула» лесоводства в Приуралье: озеленения берегов, строительства водоемов и трасс. Жил в совестливое время: люди за дешевенькие ордера вырубали тальник, камыш. Не покушались на деревья. И не потому, что бдило лесничество. Все понимали: лес – для потомков».

«...Вижу пни: вспоминаю израненные, обожженные войной деревья. Сегодня никто себе не может представить голыми берега Чагана, Деркула. А они были голыми до шестидесятых... Вдоль дорог не стояли зеленые рощи: не было и дорог. Лесная благодать рукотворна. Это труд пострадавших людей. Это их вера».

«...Мне всегда помогала твердая вера: трудности, лишения временны. Своих заслуг не преувеличиваю: я один из многих, кто делал историю страны. Я искренне верил в идеалы. На войне ставши кандидатом в члены КПСС, считаю: в партии было подавляющее большинство честных, трудолюбивых, самоотверженных. Они от одного общепольного дела переходили к другому. Такие люди меня окружали. Был с ними, строил с ними. Застроил все пустыри города, сменил мазанки на дома – все с ними! И оттого счастлив».

НЕБЕСНЫЕ МГНОВЕНИЯ ЛЕТЧИКА ПЕЛИПЦА

В Уральске со строгой учетностью бойцов 955-20 полка 305-й штурмовой дивизии 17-й армии все в порядке. Бывший командир звена орденосец Александр Семенович Пелипец к этому делу относится как к воинской обязанности. В самиздатовском сборнике хранит адреса каждого. Здесь все в нерушимом строю – живые и мертвые. Живых мало. Мертвых считать не хочется. Все чаще и чаще мертвая петля времени охлестывает: черный крестик – рядом с порядковым номером.

Рассказывать бы о них юным. Был спрос на такие встречи. Ничто не вечно. Но есть и останется дата, которая, как прожектор, высвечивает имена, судьбы, мгновения огненных лет двадцатого столетия.

Знаю: друг защищает мне спину

Александр Пелипцу везло на звездных командиров. Павел Дорошенко – на глазах вымахнул из командира звена в командира эскадрильи. Остался таким же Пашей, веселым, свойским. Только небо меняло и само преображалось перед боем: темнело лицом.

...Та драка была у Пелипца не первой, когда глаз – «на Кавказ», другой – на крыло командирского самолета. В воздухе – не хуже бывалых. Возвращались пять «Илов», четыре «Яка». Отстрелялись. В пустых гнездах пулеметных лент пел ветер.

Летели вольно: внизу своя земля. «Мессеры» проклюнулись из белого облака черным роем. «В круг!» – командовал Дорошенко.

Неповоротливые «Илюши» спрятали ахиллесовы хвосты вовнутрь смертного хоровода. Прямо под ними схватились истребители. Падает, взрываясь, один. Чей? Некогда глянуть. Вспархивают огненные веера. В атаке на головного проносится «мессер». Мать твою! Как быка за рога, выгнул Пелипец своего «Илюшу». Удар! Вздывается фанерная обшивка, падает почему-то Рожковский «Ил». Не до прощанья: два «мессера» ворвались в середину священного круга! От праведного возмущения «танцоров» вспыхнул один. Второго кокнули остатками огневой роскоши. Разогнали вражьи машины, сгоряча и свои: «Илюши» рассыпали круговую оборону.

...Самолет Пелипца тащился на честном слове, командирский – невесть на чем: перебит воздухопровод, заклинен руль высоты, ножки шалтай-болтай... Разделал фриц безоружного как мог. И еще вернулся, долбанул в хвост.

«Конец командиру!» – застыл Пелипец. Но самолет вопреки всем законам физики все летел и летел, как заговоренный. Даже фриц погодил смыться: поравнялся с кабиной, глянул, что там за черт? Лицо залитое кровью, руки, намертво вцепившиеся в штурвал. На аэродром дорошенковский самолет не сел, шлепнулся продырявленным фюзеляжем. Дверь кабины открывали ломami...

Гон

Погода дождливая. Два «Ила» поднимаются на свободную охоту. После прогулки во вражьи тылы исчезнет с лица земли мост, переправа, товарняк с техникой или колонна на марше – все, что завтра может обернуться для наступающей армии зверем.

Посверкивает грозное небо титрами невесть к какой драме. Железная дорога. До Новомосковска три минуты. И вот они, голубчики! Два паровоза, два состава: ползут, пускают тяжелые утки дыма. Видимо, слишком хорош груз, чтобы оставить.

Экипажам долго мозговать не приходится. В наушниках Дорошенко:

– Сашок, фриц двойной тягой драпает! Приотстань. Иду на головной!

– Понял, – качнул крылом самолет Пелипца, – рубанем по-шахтерски!

Эшелон первым пульнул в штурмовиков густым огнем.

– Ах, гад! – Дорошенковский ведомый зашел в пике: – А-ат-такую! Следи.

Из-под крыла атакующего – ослепительные вспышки. Азарт плюнул на встречные разрывы зениток, веера пулеметных трасс: существовала только одна трасса: гон!

Встали на дыбы платформы, вспыхнули вагоны, рассыпался по полю горох убегающих. Еще один заход – редкие горошинки.

...Небесная канцелярия все еще обещает грозу.

«Чуден Днепр при тихой погоде»

Немцы вкопались в берег Днепра по самые уши: от танков торчали только дула: поди скovyрни... Краснозвездные войска топтались на месте, пока небо не расколосось от самолетного гула. Пошла и пехота – царица полей! Бегом,

ползком, на плотах, вплавь. Взревела четвертованная река. Но кто пощадит? В бою все дьяволы.

– Атака!

Корчевали «Илюши» спецснарядами танки, не давали врагу поднять из окопов головы...

Видел Пелипец панораму рукопашных, видел: на помощь немцам шла подмога. Но не было больше снарядов у «Илюшей». Не было патронов. Была команда «Винты на малый шаг!»

Самолеты, как солдаты, шли в свой «рукопашный» – бредущий... До земли – как до смерти, полтора-два метра. «Бей гадов!» Без вины виноватые – бегут обезглавленные деревца, их обгоняют обезумевшие люди. Не люди – враги! В бою людей нет. «Шварц тот! Шварц тот!» «Страшная смерть, черная смерть!» Сумасшедший вихрь выдергивает их из окопов, всасывает под днище. Опасные бритвы крыльев, убойный винт – наизусть знают жестокую работу войны.

Аэродромной службе приходилось отмывать с фюзеляжей кровь, мрачно шутить: «Коричневая – значит, арийская...»

Эх, «Илюша», нам ли быть в печали?

Грифом самолет становился от отчаяния, в крайней крайности. Пелипец любил его другим: когда, разогнавшись, «Илюша» отрывался от земли. Навстречу – синева неба! Нравилось и машине – очеловечивалась: в высоту ввинчивалось существо, слитое из самолета и экипажа. Единое. И пока не ощетинивались первые зенитки, пела, ликовала общая душа, радовалась светлому небу и небу звездному, собственному бессмертию!

Первые метры чужой земли отрезвляют: метры страха, как ни хорохорься. Багры прожекторов готовы проткнуть днище самолета, каждая ракета чувствует цель. Ощеривается в ответ опасности человеческая плоть, «Илюша» вспоминает о своей мощи: тагильской броне, пушках-пулеметах, восьмерке реактивных ракет. Горбатый, разглаживал вражьи станы!

Да разве ж знал он, «Илюша», что будет сниться своему другу всю оставшуюся жизнь? Что военные годы примут для летчика Александра Пелипца очертания «Илюшиного» силуэта...

ЧЕТЫРЕ ПУЛИ

В сорок третьем семнадцатилетний мальчик вел за собой взвод в составе 91-го танкового полка. Боевая биография младшего лейтенанта Алексея Павловича Ерошенко могла бы вместиться в четыре строки и в четыре пули. Могла бы стать повестью о настоящем человеке.

Вернулся с фронта с пробитой головой, опираясь на деревяшку. Удостоверение об инвалидности прятал. Война наступала в самых неподходящих местах: терял сознание. Принимали за «бухарика». А он и фронтовые сто грамм отдавал солдатам.

Оперировал знаменитый профессор Лифшиц: гарантировал 12 лет жизни. Гарантии прошли: шагнул за девяносто.

Джентльмен в одном ботинке

Будущий защитник Отечества маршировал в рядах курсантов пулеметного училища в одном ботинке. Вторым – служила фуражка с чердака.

Топали через весь поселок в столовую. Перед величием начальника по хозяйности оборванцы пулеметного училища вытягивались в рост. Чего вытягивались? И сами себе объяснить не могли: в столовой ритуал субординации устав не предписывал. Черт знает: исходила от хозяйственника какая-то нечистохозяйственная сила.

От сержанта – ать-два, ничего не исходило кроме дури: через ледяную речушку гонял семнадцатилетнюю гвардию вброд. Сам шел по мостику. Острая, как бутылочное стекло, шуга ранила ребячьи ноги, сводила судорогой. Будто кто-то желал отнять у курсантов ноги еще до отправки на фронт.

После молниеносного приезда-отъезда начдива Ворошилова, инспектирующего полковые училища, красивый офицер был расстрелян. Курсантов, экипированных с ног до головы, накормили «от пуза». Поселок выстроился поглядеть на преобразовавшееся воинство.

Резервистов ждал Сталинград.

Первая пуля

Молитвы на войне не спасают: сержант Ерошенко убедился. На закатной речушке необстрелянная рота отдыхала после первого марш-броска. Сушились на золотом песке солдатские одежды. Полевой рай нарушила полудурушная «катуша»: выскочив невзвесть откуда, исчезла. На ее единственный плевок с того берега сорвалась такая свора орудий, что «мама родная!» – вся рота врассыпную! Опытные ребятки осели в лесок. Новички вздернулись, как до Саратова. Тройка друзей влетела в узкую щель землянки. Крайнему в последнюю секунду кто-то невидимый придал дополнительное ускорение, вроде как пинком.

Отдышавшись в укрытии, беглецы вышли. Двое увидели у третьего щедрый ручеек крови: ни фиги себе пиночек – чирканула мимолетная... Вернулись на место старта: храбрые винтовки стоят, как стояли. Двух солдат, не поддавшихся общей панике, пришлось искать: лежали, присыпанные песком. Служивые возложили дело защиты души и тела на Всевышнего: карманы, пилотки, сапоги хранили переписанные от руки молитвы. Господь не принял к сведению бумажных прошений, верно, и сам уповал на открытие второго фронта.

А вторая пуля

Первая пуля предназначалась явно не для младшего сержанта, и вторая не ему – танку. Как помеху к цели, подняла его в тройном тулупе. Приземлился чуть не на голову комбата: вытянулся в струночку, бел. Замолчало сердце. Комбат снял фуражку. Документы перекочевали в его карман. Вот ведь как бывает: шли проверять готовность роты...

Два дюжих санитары подхватили покойничка под начинающейся канонадой. – И куда это мы? – поинтересовался светопреставленник.

Обомлевшие санитары уронили носилки. Ерошенко искал глазами комбата... И чего это санитары на него пялятся? Заряд, коим одарила бойца шальная пуля,

был равен по эффекту кружке неразбавленного спирта. Контузия. Офицера понесло, где рвались не озвученные для него взрывы. Кто падал, кто бежал дальше. Погорячился младший лейтенант в полыхнувшем бою: где подхватил противотанковое ружье, не помнил. За три покалеченных вражеских танка представлен к ордену. Просвистевшая параллель смерти сняла с тела полосу кожи – допекала долго. Отпечаталась на бедре, как кривая стрела печенег.

С пуль в сердце

Под Курском война остановилась подумать: не поднимали головы от стратегических карт и Берлин, и Москва. Чего враг задумал? Нужен был высокому командованию «язык» как воздух. Разведчики уходили – ни слуха, ни духа! Где ж их напасть? Командир дивизии, вручая партийные билеты, спрашивал у каждого: «В разведку пойдешь?»

Землянка услышала двенадцать отказов. «А я пойду», – сказал тринадцатый. В этот день ему исполнилось девятнадцать.

Что Алеше терять? Никто по нему особо не заплачет, отец тоже где-то воюет. Разве что тетка... Но пусть не плачет: возьмет он «языка» в два счета!

...Бродил сотоварищи вокруг немецких укреплений. Не скоро выбрали момент: выхватив из-за колючки, как овцу из стада, первого попавшегося «фюрера», под обстрелом откатились. Наспех сколоченная разведгруппа задачу выполнила! Радовалась. В дорогую добычу загнали крокодилий кляп. На каком-то этапе пленник не то, что трепыхаться, дышать перестал.

«...Пацан!» – выматерил полковник командира группы. К вечеру он очутился в штрафроте в той же должности командира взвода, с тем же заданием. Здесь можно положить взвод, роту, армию: дешев человеческий материал. Может ли заплакать воин на войне от обиды? Но лучше проглотить плач. Завтра на рассвете Ерошенко поднимет в бой врагов народа: жуликов – шпионов – дезертиров, нарушителей воинского устава: сброд. Вспомнилось лихое отрочество, беспризорность, отвага оборванцев. Это будет не самая плохая компания! Там такие же Алешки, попавшие в беду. А Родина – не тетя Маша: некогда ей разбирать, кто прав, кто виноват...

Познакомиться с подчиненными командир не успел: до темноты надо было изучить план разведбоя. Закрыв глаза и открыл – ночь пролетела. Сейчас выстроится штрафниковская рать и – за Сталина! Штык в штык – на вражеские укрепления!

Подминая под себя утренний сумрак, и сама, как сумрак – ни глаз, ни лица, перед комвзвода выросла толпа. Без команды офицера, с места в карьер на взметнувшихся парусах отборного русского мата понеслась! Эта снесет и врата преисподней! Командир сросся, смешался с толпой, с ее вдохом-выдохом, звериным оскалом.

В лоб этого фантастического организма, народившегося из человеческого отчаяния, глядело черное дуло, затылок холодило другое: заградотряд готов был стрелять по своим проштрафившимся братьям метче вражеских стрелков! Но те предпочитали пули врага.

Вставали меж двумя смертями дыбом рыжие волосы встречных деревьев, шевелились в воздухе черные космы земли. Командирский ежик – и тот топорщился

противотанковым: мчалась с горящими зрачками горгона войны – животное вдохновение боя!

Сколь длился этот бег? Век? Секунду? Кто считал взятые рубежи, пленных? Святое дело защиты Отчизны засчиталось великим грешникам: децибелы народного фольклора перекосили все направленные на них стволы, уронили вражьи укрепления: бой – без потерь! Такая метаморфоза: в подчинении Ерошенко опять оказался родной взвод. Двоюродный тут же был амнистирован, расформирован. Саднило в груди односуточного штрафника: будто и по сердцу прошла касательная...

Рыжий снайпер, я не твой...

Перекопский перешеек соединял не только Крымский полуостров с материком, соединял времена. Их несусветные дали легли к подножию памятника павшим в Гражданскую. Здесь Фрунзе прорвал оборону Врангеля. Из крови победителей вырос величественный монумент, из крови побежденных – микрообелиски травы.

Трава стелилась вдоль всего рукотворного турецкого вала, не могла приподняться: держал на мушке опытный снайпер.

В глиняной яме возле святыни поневоле изучишь все былинки-травинки, затеешь игру со снайпером. Тот уже продырявил несколько обманных фуражек, общий котел. Неужто на обеды окопники больше не рассчитывали? Какие расчеты? Мальчишеский азарт... Ерошенко озоровал: ни ему в его новой должности командира роты, и никому не хотелось думать о вчерашней, polegшей у стен цитадели кавалерийской дивизии: прогарцевала через парадную арку турецкого вала. Вышла пешая, унося свои жалкие остатки окольно. Московское радио сообщало о взятии стратегически важной точки, присвоении генералу звания Героя. Крепость еще только предстояло взять... Роту предупредили: «В четыре – бой». Ровно в четыре белый день исчез. Солнце скатилось в одно из укрытий, перестало даже думать о возвращении на свои позиции. Ассорти гула-свиста, всех воздушных, наземных орудий, казалось, разгладило не только землю, море! Все, что было враждебного для наступающей армии, превратилось в прах. Теперь – дуи, пехота – царица полей! Бери этот прах голыми руками, развеивай по ветру!

– Вперед! – орал Ерошенко, как в глухом кино.

Поднять роту стоило труда: страшно, жутко живой душе покинуть укрытие. Через бруствер, через собственный страх перемахнули. Ур-ра! Урчала, рычала атака! Не оружие, а одно лишь это гортанное, утробное «Ур-ра!» должно было смять цитадель. Сколько до нее? Метров двести! Ура, ура! Ураган... Спасовал один: притулился к кусту. Хлоп его меж лопаток: вперед! ...Завалился солдатик... Не останавливаются в момент атаки. Командира остановили стеклянные глаза друга: снайпер! Кожей ощутил: и сам под прицелом! Вот она, игра! «Игра, гра, ра...» продолжало пульсировать в его уже вскрытом, как консервная банка, черепе. Упал лицом в песок. «Игра, гра...» – зашептали песчинки.

Захлебывался собственной кровью. Умирал. Смерть не наступала. Снайпер не утратил утреннего азарта, уложил на него еще и пробежавшего солдата. «Теперь точно каюк», – захрипел Ерошенко. И тьма...

...Из тьмы вынул девичий шепот: «Алеша, жив?» «Жив!» – запульсировало серое вещество, как устрица в раковине. Тело – бревном: недвижимость. Медсе-

стричка просила: «Алешенька, помогай! Хоть рукой, хоть ногой». «Нет у меня рук, нет у меня ног», – думал о себе Алеша, как о постороннем. Но такой голос, такая нежность, обращенная к нему, заставила бы ползти и убитого. Отыскалась шевелящаяся правая. Заупиралась в ползке: коленом, коленом о песок, о траву, о выжженную землю...

В санпункте бывшего заповедника раненого уложили все так же вниз лицом. Запах свежей соломы станет единственным узнаваемым им. Командир косил мутным оком на медсестру, смотрел, как берет в руки молоток, долото: «Потерпи, Алешенька». От страшного сотрясения зубы – в солому, грыз. Команды о расчленении черепа, об удалении черепных осколков слышал. Черными парусниками в тумане качались голоса. Исчезали, как частичная анестезия кромешной боли.

От такой экзекуции забыл буквы, собственный адрес! Сопроводительные справки объясняли, кто этот «спортсмен» о двух клюшках и что с ним.

...В феврале сорок четвертого Алешу Ерошенко встретила родина девчачьим конвоем. Повезла на санях по талому снегу. Кутала в тулуп. Значит, ждала, значит, жалела, если выслала «эскорт». Проталины – ранние глаза околиц проступали, чтобы поплакать, наконец, от горя-счастья с одним из своих заступников.

СКВОЗЬ ЯБЛОНЕВЫЙ ЦВЕТ

Владимир Павлович Мазаев – старший научный сотрудник Московского государственного университета. После шестнадцати лет работы на кафедре генетики и селекции яблонь всю оставшуюся жизнь в той же должности отдал студентам Западно-Казахстанского института сельского хозяйства.

Военные годы кружили его по Европе так, что и сквозь яблоневый цвет ученому виделся суровый цвет хаки.

Слово не воробей: бумеранг

Война обрушилась на тыловую Палласовку хлопотами обустройства беженцев. Людей, потерявших кров, кормили плохо. Восемнадцатилетний замкомиссара Мазаев взял на «таран» начальство:

– Склады ломаются. Чего жадничать?

По-комсомольски: «...Хлеба горбушку, и ту пополам!»

– На фронт захотел? – прижал правдолюбца райком.

– Захотел! – вспетушил близорукий белобилетник.

Приземлился в пекле под Сталинградом. Защитнику Отечества выдали автомат с пятнадцатью патронами.

– А в шестнадцатого шапкой пулять?

– Молчать!

Командир – матерый мужик – вынес говорунчика из строя на кулаке.

В подвале изуродованного дома, где-то в пролетах лестниц потеряв гнев, тихо сказал:

– Запомни, солдат: вражья пуля может миловать, а свое словцо – бумеранг! – огляделся, добавил теплее: – Живи до Победы!

В победу Мазаев верил, как его мамка в Бога. Убедило радиозаявление Черчилля. Краткое, блеснуло клинком: «Я всегда был против большевиков и не беру назад ни одного сказанного против них слова. Но сегодня, перед лицом войны с гитлеровской Германией, я – на стороне Советской России!» Межстрочечный читатель газет из Палласовки угадывал: за этим осторожным человеком полумиллиардное воинство, если считать и его союзников... Только где ж она, заокеанская силища? Как медленно, как долго поднимается. Э-эй, подмога!.. Уж и он, солдат Мазаев, вырос до командира взвода. Нет подмоги. Город, залитый своей и вражьей кровью, дышит: собирает живых-мертвых для возмездия. Карфагены, Помпеи; все битвы, осады, бывшие когда-либо на земле, вместил в себя Сталинград... «За Сталинградом для нас земли нет!» – прозвучало. Слово отозвалось, нарастающим эхом, лавиной пошло-покатило. Страшен след: направо-налево перерезанные глотки фрицев: рукопашка.

Свирепая зима – негласная союзница, превращала трупы в по-немецки надежный стройматериал: выставляла оледеневших сынов вермахта верстовыми столбами.

– Не глум, военная необходимость, – мрачно объяснял взводу Мазаев, как виновный в чем.

Он на этой дороге кормил бы голубей, как в детстве, хлебными крошками. Ни крошек, ни птиц. Ворон страшился: беззащитные глаза «дорожных указателей» стеклянно глядели в сторону своей безумной родины.

– Вот вам и «Нах-остен», – беззлобно ругалась дорожная служба, обивала снег с коричневых столбов.

Нет замены: ни дерева, ни кустика. Советское воинство первопобедно в этой войне пошло на Запад.

Второй фронт позвякивал консервной жестью за плечами: Черчилль напоминал Мазаеву о своем существовании.

Один в тылу воин

Под Запорожьем получил воин весточку из Палласовки: яблони расцвели, родные опухли с голода, долго не протянут.

Как так? Три мужика ушли из семьи на фронт и, выходит, не защитят родного гнезда? – уронил голову Мазаев.

Не полагались отпуска военным. Крутой, как Иван Грозный, комбат Савельев обошел предписание, оформил командировку: «Дуй, Володя, спасай тыл».

Палласовка погибала. Погост – ни обойти, ни объехать. Вырос. Не только числом сельчан... Мазаев вспомнил голодных беженцев. Бежали от войны – нашли вечный покой в мирном селе. В конторе – ба! – все знакомые лица, живы-здоровы. Воин, он принес с собой войну. Попер, как танк, на районные, городские власти: «Убили колхоз, который кормил бы целую дивизию!» – аргументировал атаку. Власти командированного офицера тронуть не посмели: грозился – до Сталина! Спустили дело «на тормозах»: разрешили «повстанцу» вывести в недалекий совхоз опухшую мамку, обезножевшую сестру. Вывез в соседнюю область...

Кто считал их, «тыловых крыс», умерших от голода, перенапряга, поставленных к стенке за колосок? Никто не считал, никто не бил в колокола. Колоколов не было.

В шестнадцать суток со своей тыловой войной Мазаев не укладывался... Уже и яблоневый цвет облетал. Майору Савельеву ничего не оставалось, как писать рапорт о без вести пропавшем. Написал, отложил, медлил с отправкой. И когда яблоневый цвет начисто отцвел и командировочный переступил порог блиндажа, в блиндаже загремело:

– Под трибунал!

– Виноват, – ответил проштрафившийся, – выполнял личный долг.

Крякнул Савельев, полез за заветной фляжкой...

– Ну, за выполнение сыновнего долга!

ОФИЦЕР В СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ

У инвалида войны Игнатия Григорьевича Черноярова из поселка Чаганск – награды, «персональная» пенсия. На персональность махнул рукой: хочется ему выговориться. Старенькая печатная машинка – тюк-тюк – пытается зафиксировать: «Это было недавно, это было давно». Легче взять дзот, чем строку. Левая сторона тела давно не выполняет команды гвардии майора в отставке... Разве мог он подумать в 41-м, поверить, что расстанется с юностью, с аккордеоном навсегда?..

В конце войны бойца Черноярова приняли кандидатом в ряды КПСС. Через два дня был бой. Короткий, скоротечный. Переправившиеся ночью через канал мотострелки утречком увидели на автостраде немцев. Пошли наперерез. В клубах пыли возникла, как привидение, танковая колонна с крестами. Развернулась в сторону мотострелков, и тут уж – дай бог ноги: одни прикрывали откат, другие спускали плоты, поднимали затопленные лодки. На этом берегу – не их сила. Заслоном лишь роща тонких сосенок. Недолго держалась. Танки!

Переполненные лодки, плоты отчалили. Кто-то – вплавь. Хоть и кандидат партии боец Чернояров, перекрестился перед прыжком: вода ледяная. Плывет со всей амуницией: скаткой, сумкой, набитой комсомольскими документами. холода не чувствует. А чувствует, кто-то на спину метит: нашел «Ноев ковчег» солдат из пополнения – молдаванин кило под девяносто. И так не захотелось комсомольцу с беспартийным молдаванином на дне лежать, что нырнул куда поглубже. Вынырнул – никого! У войны морали нет...

У берега пловец и сам стал захлебываться. Буль-буль – вода в желудок как в бутылку. Вода – не водка. Утопающему – хотя б соломинку! А тут – пучок травы! Подарок! Подтянулся: вдох, взмах – берег! Темь... Очухался – белый свет! Кандидат в утопленники вновь превратился в кандидата партии – шлеп по нагрудному карману – нет кандидатской! И кармана нет. Оборвал тот молдаванин. В пору ему завидовать: штрафбат не грозит.

...Чернояров выполнял новый приказ – опять вел лодку: на ту сторону – оружие, оттуда – раненых. Обработали «катюши» берег. Но выдюжившие зенитки били по переправе.

Лодка под веслом танцевала. Берег левый, берег правый. Сколько ходок сделал, не считал. Работу оценил командир: представил героя к ордену Солдатской Славы III степени!

Какой тут орден? Утеря документа... Обшаривал кусты. Натыкался на трупы, трупы, трупы... Победа за канал в 30 метров шириной оплатилась половиной личного состава батальона...

Партийная комиссия собралась после девятого мая в Венгрии. В результате дотошных разбирательств бдительные люди поверили бойцу: кандидатскую карточку не съел перед попыткой сдачи в плен, не забросил в кусты от разочарования в партийных идеях и не, и не...

Шинель Черныяров не снимал с плеч лет двенадцать. Даже когда ему присвоили офицерское звание. Служил в войсках Лаврентия Берии: семь лет без отпуска чеканил сапогами асфальт у ворот Берлина, в пригороде Ораниенбаум. Научился говорить по-немецки, по-английски на страже завоеваний. А теперь ни по-русски, ни по-казахски никак не поймет, чего это ему льготную «стрижку-брижку» отменили? Но приближается святой День. От всех утрат, от всех наград покорителю Берлина хочется поздравить приуральцев с праздником! С праздником! Несмотря ни на что!

КАРТОФЕЛЬНЫЙ ДЖО

Анатолий Николаевич Рогоза – человек не без божьей искры: писал стихи для детей. Под резцом оживало дерево. Участнику войны сюжетов о войне не занимать. Мог одарить при случае: напиши!

...Эшелон с только что вылупившимися из пехотного училища курсантами мчался к фронту. У последнего перегона состав притормозил. Некопаное поле картошки притянуло оголодавших пассажиров. Тощие вещмешки моментально округлились. Встретивший пополнение офицер потребовал освободиться от неуставного груза.

Картофельная пирамида выросла у его ног. Вещмешки сдохли от тоски. И только один солдат не выполнил приказа. Мертвой хваткой прижал к груди пузатую ношу: «можно ль с этим расстаться?» – удивленьем распахнутые глаза спрашивали. Блокадник, знал цену каждому клубню.

– Расстреляю! – вскипел офицер.

Солдат дрогнул, драгоценного груза из рук не выпустил. Решил тронутым блокадой рассудком: умереть от пули, но не от голода. Повели в лощину. Грохнул выстрел. Пехота сняла пилотки.

Через минуту молчания из лощины выплыл конвой, следом – «призрак»: с белым, как балтийская ночка, лицом, с мешком в обнимку.

– Хрен с ним: сам бросит! – по-соломоновски рассудил офицер.

Офицер знал, что говорил: строй шел по пням-кочкам всю ночь.

Утром – боевое крещение: полк взял высоту. «Ура!» не кричали. Обследовали занятые позиции. В реденьком леске кто-то отчаянно звал маму. Сержант Рогоза повернул на голос. На поляне, под округлым вещмешком, лежал солдат. Студент Саратовского сельхозинститута – подсказали документы. За плечами – пшеничные зерна – конспекты, учебники. Не тот, стало быть, картофельный Джо, как подумалось. Но и картофельного он больше не встречал: раскидали пополнение по горячим точкам...

С ИСТОРИЕЙ В ОБНИМКУ

Фамилия Александра Николаевича Стариченкова нынче вполне соответствует его почтенному возрасту. С историей своей маленькой родины – Затона имени Чапаева, с историей Уральского речного пароходства он – в обнимку! С «Александром Пушкиным» Александр Стариченков – на «ты»: стоял на капитанском мостике старого парохода. Долгое время отвечал за кадры...

Сегодня седой паромщик соединяет берега времен. Память, как незамутненный Урал начала двадцатого столетия. Время сделало обычного в общем-то человека примечательностью окраины.

На затонском берегу

Две улочки в Чапаевском Затоне. Обе носят имена директоров судоремонтного завода: Джунусова, Шукурова. На похоронах последнего не сторонний окраине бизнесмен обронил: «Таких честнейших директоров у завода больше не будет». Этот и в целях заводского интереса выписывал тельняшки со склада за свои наличные. Для дачки привез барачный лом, оформив рухлядь документально. За доски с клопами грызла жена: «Ты бы еще каждого клопа квитком оприходовал!» На жен – не угодишь. На грани рыночной эпохи и собственной жизни Евгений Васильевич угодил всему затонскому населению: газифицировал поселок. Увековечился.

История, начинающаяся на задворках города, проста. В 1928 году к затонскому берегу приткнулся неприкаянный флот. Выросли судоремонтные мастерские, конторки, бараки. Размахнулся баржестрой. Затон засучил рукава с вдохновением Петра Первого. Первый клуб: первые киноленты, патефоны. Ситцевый подол танцплощадки дораздувалась: сгорел клуб. Отдельная военизированная рота в юбках не успела приторочить к талии топор, ухватить багорчик: полыхнуло – только и осталось, что снять брезентовые каски перед отплясавшим пламенем... Бабская пожарная гвардия и сама чуть не сгорела вместе с баракком: выручил единственный на всю окраину колодец. Так ли, нет ли, а только смыло подведомственную Астрахани пожарную часть в Уральске, потух столь притягательный для мужского сословия огонек в бараке. Будто его и не было.

Первая кругосветка

На одном из городских зданий в 1925 году возникла табличка «Уральское речное пароходство». Первый речной караван Советов отправился по курсу Уральск – Чкалов.

Пароход «Магнитогорск»: буксировал три баржи, дебаркадер. Из трубы, как из гигантской самокрутки, валил дым. Команду довершала семья Стариченковых: отец и сын. Лошадку, пару быков оставили нищему сельсовету, мать – погосту. Домом стала река. Измеряли глубины, крутили штурвал. Где мороз захватывал судно по-пиратски, зимовали. За доблестный труд по праздникам – поощрения: кило селедки, а то и отрез на штаны. Время озаглавилось: «Мы наш, мы новый мир построим!» Строили.

Чкаловский рейс до места назначения с оказиями, но дошел. Семилетний юнга увидел похожий на Уральск город – с пристани не разглядишь. По мальчишьему

разумению, в пути было интересней: поселки встречали пароход, как африканского слона: невидаль! Черноречье и вовсе атаковало караван диким восторгом. Татарское поселение взяло громахающее чудо на abordаж, облепило борта. Пароход давал громовые гудки. Экипаж размахивал швабрами. Как Гулливер перед лилипутами, «Магнитогорск» казался беспомощен. Борт накренился. Выручил брандспойт. Непрошенный десант посыпался в воду. Сбитые струей аборигены не обиделись: долго бежали за речной тарактелкой по берегу, махали руками. Кричали, будто могли их услышать на другом конце двадцатого века.

Драгоценный груз

Баржа, под завязку груженная мешками муки, телепала вниз по Уралу. У Калмыковского крутоярья заступил на вахту матрос Стариченков. Удивил июньский восход: темно-красное солнце примеряло огромную оранжевую корону. Таковую он прежде не видывал и после не видел никогда. Знамение? Заглавная звезда слепила глаза рулевого: хотела остановить пароход «Пушкин», спалить «самород Земля».

В Индере черная тарелка репродуктора со столба плеснула черной новостью. В Гурьеве на борт парохода вошли военные в сопровождении начальника пристани: им бы крейсер! Колесный теплоход с далеко не торпедной скоростью не напоминал боевого корабля. Палуба занята оружием скорее оборонительным, чем наступательным: пеленками, тельняшками, женским бельем: веревка – до самого флагштока! На судне жила полным составом не одна семья. В рубке самовар и вовсе убедил военных: пулеметом не заменишь. Тем не менее, плавучая изба и все 73 баржи Уральского пароходства (три железные) приписали к Краснознаменной Каспийской флотилии. Пошутили: если что – закидать врага панталонами!

– Но лучше бы уж на передовую, под бомбы! – чуть не плакал несовершеннолетний матрос: баржу, как пташки, несколько суток обсиживали эвакуированные детдомовцы. Очередь к гальюну. Многие «малюски» не доходили со своей неудержимой нуждой к интимному месту. Швабру тошнило: оголодавший народец ел недозревшую зелень, пил «забортную» воду. Плакали. Как увядшие ромашки, клонили головушки.

После того рейса матрос был готов выдержать любую атаку врага. К счастью, не пришлось. Через много лет Александр Стариченков назовет памятный груз драгоценным... Деток оставляли в селах Антоново, Коловертное и там, где вырастали маленькие холмики с крестами.

Затон прифронтовой

Природа предупреждала землян о войне. Враг – нет. В осень сорок первого на станции Уральск тормознулись товарные эшелоны: огромный Ленинградский завод оказался в провинциальном городишке. Навсегда или в гости? – никто не спрашивал. Уральские власти оперативно решили вопрос размещения «слона в лавке». Вспомнили про гаражи автоуправления. Основную часть технического оборудования списали в Затон имени Чапаева: там своя электростанция на 140 кВт, плюс соседний мясокомбинатовский дизель в 150 лошадиных сил. В пару дней Затон сдал хозяину все служебно-производственные помещения вместе с воени-

зированной охраной; клуб – под инструментальный цех, школу... Восемьдесят комнат заселили эвакуированным персоналом завода. В тесноте да не в обиде: через двадцать семь дней с безвестной миру окраины ушла на фронт первая партия оружия. Крыло противоздушного щита страны распростерлось над маленьким городом. А как же? Здесь билась конструкторская мысль, вытачивалось оружие возмездия: мины-08 (восьмерки), торпеды-80; такие не выпускал ни один завод мира. Пульс города сверялся на затонской территории по рабочему пульсу имени того квартиранта – военного завода имени Ворошилова. Венозная ветка железной дороги соединила окраину с центром: два раза в сутки три товарных вагона с деталями, техническим сырьем, рабочими провожал паровоз. Чтобы дотянуться до станков, дети срочно «подрастали» на высоту табурета, ящика. Мамки пашут на победу, отцы – на фронте. Вот придут, и будет счастье! А пока...

У бронированного флота своя война: двигать грузы. Главная линия «Уральск – Калмыково». Конечный адресат на перекладных – через пески: «Сталинград – Волга». Тысячи тонн: боеприпасов, продовольствия, живой силы. Живи, Сталинград! А мы уж как-нибудь...

В январе сорок второго затонский жилсектор еще разок давануло уплотнение. 1244 квадрата вынь да положь! Вынули, положили. На каждую живую душу не приходилось и двух метров. Летом каждый кустик ночевать пустит. А зимой?

Ленинградские строители возводили жилье. В Затоне выросли двухэтажные ИТР. Еще и полы не настелены, а мастера, спецы уже в них. Бараки раздулись. Но угол – радость! На двенадцати квадратах Абдулла, Саня, Матулла, Ваня, Маня, дитята, котята. Две-три семьи в одной каморке. В другой шабашники – мордва, татары. «Каждой твары – по пары», – шутил Абдулла, варил бараньи языки: мясуха под боком! Дале пустырь. Скотобаза. Бетонные корыта-поилки: теперь и они – история. Экскурсовод Стариченков видит несуществующую лет шестьдесят пекарню, никогда не иссякающую очередь к ней. Очередь засыпает на ходу, теряет карточки... На месте трехэтажного дома проявляется баня. Теперь ни той – никакой. Но в той тетя Нюра Денисова жарит белье в паровом котле... Жарит и жарит. Прошедшее время никуда не уходит. Седой паромщик ставит его на прикол, как изношенную брандвахту. Пусть качается на волне. Может, кто и заглянет?

Калина красная на Красной старице

В начале войны уральские водники приняли в штат полсотни матросов из числа эвакуированных евреек. Да где ж им матросить? Уральский лесхоз знал где: на Красной старице!

Из огня да в полымя. Казалось, юбочной гвардии вручили топоры-пилы не лес валить, а для груза: дабы не сдул их куда нечаянный ветер... Поленницы не густо, но вырастали. А как же: нет штабеля – нет хлеба. Приводя-уводя баржи, матрос Стариченков однажды приметил в ряду женщин с проваленными щеками юную фею лесоповала: мастерила обувь из куска брезента. Обрато шла босиком... Еще недавно все женщины были красивыми. Состарила Красная старица!

В зиму пришлось здесь размяться. Женскую еврейскую бригаду сменила китайская мужская. Саша с дядей Мишей Хохлачевым – шкипером держались обособленно. Работали по-своему: спил ствола и тут же все ему «перации», не

хотели по-китайски: еще чего? Но все ж переняли поэтапный метод: день валки, день рубки, день трелевки. Норма – 4,2 кубика на пилу. Старались: за сверхплановый штабель к пайку в 360 граммов муки полагалось поощрение – сигаретами или еще чем.

У каждого хранился кусок сырого теста на расстойку квашни. Китайцы пекли хлеб с грибами, с калиной. И когда пекли, общая землянка наполнялась теплом. К утру чубчики спящих покрывал иней.

В тщедушных на вид китайцах крылась сила неясного происхождения. Намщики, они рыли и Кушумский канал: таскали на носилках породу. Веревока-считалочка отсчитывала завязанными узелками рабочие ходки, дабы расчет получить сполна. Кто умирал с веревочным калькулятором, получал по пятаку на каждый глаз: чтобы не смотрел в синее чужое небо, не охлаждал напрасной надеждой.

Сколько было на берегах Урала китайцев – всех куда-то унесло. Один Ван Пин Нан до пенсии работал в пароходстве. Помнил Кушум и Красную старицу...

Медовый день

Иртекский яр, правый берег. Сюда, на лесоповал, Сталинград выкинул пленных. Сколько уж их там было за колючей проволокой, матрос Уральского пароходства Стариченков не знал, хотя и ступал на запретную для прочих зону. Сопровождал баржи с лесом. И уж больно хотелось потолковать с фрицами за жизнь. Однажды возможность представилась: баржа к приходу парохода не была загружена.

Гуляют они с Женькой Ковалевым, вторым помощником капитана, с чувством глубокого удовлетворения: мимо них туда-сюда немцы – кто с бревном, кто с кирпичами, и все – как колесики одного механизма. Один лишь здоровенный фельдфебель сам по себе: отнесет зараз куда надо кирпичей сорок и тоже гуляет. С ним бы и пообщаться, сказать: «Ну что, фельдфебель, отфебелился, помаршировал в Москве на площади?» Да как, если по-ихнему, лишь «хайль Гитлер» с «хенде-хохом» знаешь? А тот – зырк-зырк, по-русски тоже только «хендехох» выучил, подошел, сказал: «Паулюс!»

Мол, если бы не Паулюс-предатель, ты бы здесь кирпичи таскал!

– Но-но, – предупредили друзья недоброжелательного узника. – Ишь, разговорился!

Морда у фрица тоже кирпичом – мало ли чего? Отошли к вырубке. Дерево среди пней одно-одинешенько. Ствол пилой тронут. Над вершиной – шмели! Улей!

Предвкушение медовой жизни быстренько вложило в руки орудие труда: вжик-вжик! Но еще до того, как пила вжикнула, немцы, знавшие, что к чему, жухнули за штабель, как за Великую Китайскую... Белый свет взорвался пикирующим роєм! Ударившись о землю, жужжащее облако приняло человеческие очертания, понеслось в ботинках помощника капитана к реке. Сей вихрь мог бы прорвать Иртекскую петлю на 27 лет раньше, чем это сделал Урал; но на пути оказался фельдфебель. Часть энергии ушла на его контузию, и фельдфебеля понесло в сторону соотечественников. Но это уже отдельная история с рухнувшим штабелем и тишиной. Когда на делянку высыпали немцы, фельдфебеля среди них не оказалось. Недышавший с момента шмелиной атаки Сашин пиджачок задыхал. Явил почти невредимого хозяина. А друг где?

Из-под яра, опережая эру «фильм-ужасов», высунулось нечто двуглавое в мокрых фуражках вермахта и доблестной Краснознаменной Каспийской флотилии. Но лишь по ним и можно было определить: кто фельдфебель, а кто помощник капитана.

Над ульем вились, как смеялись, шмели. Праздновали победу над пленными, военными – какая разница – над людьми, которым всегда хочется меда!

Алмаатинцам, кзылординцам прямо в сетку из Уральска летели мячи

С командой «Судостроитель» скучать не приходилось: ни «Спартаку», ни «Динамо». Команда особенная: спортивные городские боссы называли ее кузницей кадров. Инструктором команды был не кто иной, как Константин Котов. Случалось, в команду приглашали и столичных тренеров. Подкованные ими кадры бросали на укрепление городских команд. Свято место занимали подающие надежды на талант, новички. Из-за такой специфики «Судостроитель» играл с переменным успехом: то с помпой выигрывает у асов, то в пух и прах проедает слабакам.

В Кзыл-Орде команду чуть не закидали камнями аборигены. От обиды: уральцы раздолбали их футбольную честь со счетом 6:1... Кто ж такое вынесет? «Снаряды» норовили стереть с лица земли молоденького вратаря Борю Сариева. Увещевать стихию все равно, что против ветра... От горячего кзыл-ординского народа победители уходили, как партизаны, выполнившие с честью особо опасное задание.

Извечные соперники «Судостроителя» – футболисты «мехового» и «мясоконсервного» комбинатов – были противниками на час. После все перемешивались, играли возле клуба в русские городки. Дружба – навек!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Уж лучше бы убили

Вина отца и не вина,
что он в живых остался,
Что был он страшен, как война,
когда он надвигался.
Что был изранен на изруб,
что чуб из белой пыли.
Роняла мама камни с губ:
– Уж лучше бы убили!

Месяц под знаком Победы – мой месяц. По свидетельству отца: нашел меня на войне, вез в котомке. Поэтому – Томка. По версии мамы: отца фашисты подменили на своего. Тот не пил, не курил. Этот – родных не признает. Младшую, первовоенного года – категорически. А кто вытренькивал: «Двадцать пятого числа женка дочку принесла?» Двадцать пятого ноября и разрешилась... дочкой. А «пророк» за неделю до того ту-ту: и – бой в Крыму, все в дыму: хоть бы письмецо, слово какое. Только карты и говорили: жив! Два раза за войну маму увозила

«скорая лошадь»: голодный обморок. Дети – как заговоренные: привидевшаяся ей богородица с караваями спасала...

Отец с войны привез войну: занимал круговую оборону, поднимал погибший взвод, материл какого-то Петьку, чтоб оторванную башку свою из окопа – ни-ни! Шел в атаку с кочергой, с топором. «Враг» – врассыпную: переждал в морозных сенцах. Меня, новорожденную, согревали дыханием. А как неслись за квартал к тетя Шура, и сама помню. На войне как на войне: перед дислокацией – разведка Теть Шурин дембель Толя косой тоже повоевывал. И когда сверкал невыбитым глазом, его семейство летело к нам с обратным визитом. Ритку, мою сверстницу, укладывали на голые доски: писалась... Самые страшные страхи приходят во сне. Во сне душа – осиновый лист: дрожит и прячется. Я знаю.

Недавно время передернуло затвор: телерепортаж из Донецка заглянул в больничку для «тронувшихся» деток. Один мальчик все улыбался, открывал-прикрывал глаза ладонью. Каким взрывом, куда отнесло его душеньку? Может, во младенчество, где живы мама-папа: счастливые, играют с ним в прятки навеки... Ау! Одно время окликает другое.

Теть Шура не могла излечить свою большую дочь. А ведь была ведьмой. Угляделось с палатей: «цихлопа» своего одноглазого выцарапывала из печной трубы тайным словом. Провалившийся к какой-то «чехне», тот возвращался. Но ненадолго.

На войну с нашей Набережной ушли двадцать три, вернулись – трое. Третьего, Толью Хромового, ребятня величала Толь Ванычем. По пути с работы раздавал безотцовщине гостинцы: по орешку, по конфетке. Гладил по вихрам: жмурились, как котята. Провожали до калитки. Смотрели в щели палисада. По сведенью мальчишек, рана у Толь Ваныча – сквозная. Белые бинты на веревке колыхались. Колыхали наши сердечки.

Сестра, напрочь отвергнутая отцом, допытывалась у матери:

– Ты молодая была?

– Была.

– Папку любила?

– Любила.

– Он был хороший?

– Хороший.

– А лучше не было?

Она бы на месте мамы женилась на Толь Ваныче...

– Война, все война... – вздыхала мама.

Рассказывала, какие песни пел отец до войны, каким стахановцем был – с доски почета не снимали. Может, еще вернется, душа-то?

С тех пор как жена не отступила пред отцовским глюком, шагнула под топор: «Лучше б убили, лучше бы тебя убили!» – отец утих вулканом. Те секунды остались мне зарубкой на память: как в замедленной съемке, тесак плашмя опустился на отцову ладонь. Шишковатый палец провел по лезвию: топор-от плотницкий... Уважал он рабочий инструмент.

Но все одно: не отпустила война человека: все ему были чужими в доме, и он оставался чужим. Меня, случалось, сажал на плечо. Затылок в рубцах вселял ужас. Высота – превосходство: возвысил тот, кого все боятся. Кого я боюсь... Может, любил? Подросла – не разрешал брать коромысло: «Пусть вон те кобылы

идут!» Теперь и в его отсутствие на предложение сестер сходить за водой я могла ответить: «Вы кобылы, вы и идите!»

– Все война... – уж как-то подозрительно часто и отстраненно повторяла мама.
– Все война...

Никто не знал, что носит в себе болезнь, которая сильнее войны.

В доме, от нашего наискосок, бои шли не на жизнь: выплескивались на крыльцо. Большая снежная баба с красивым лицом, в кружевном белье, охаживала валенком мужа Ореста: «Немец, немец!» Тот, капитулируя, поднимал руки... Повесился – никто не удивился. «Эмка» с квадратной головой из фанеры, тосковала: в ее кузове Орест катал детвору, как Мазай зайцев. Сгружал у Вшивой горы. Мне хотелось к Медной, к ее волшебной хозяйке... Уральские сказы, еще не отесанные Бажовым, ходили по поселку пешком... Чудные края... После напишется:

Века высокосные сосны смыкают.

Черны: не поднять патриаршие веки.

Опасные просеки пересекают

С Чердынского тракта бежавшие зеки.

Бессрочные сыски, урочные лета

За теми болотами воздух колышет.

С проточными списками тех, кого нету,

Подземные гроты для роздыха вышли.

Вид из окна: демидовский завод, на речной окраине – алмазная драга, на лесной – золотые прииски. В нашем огороде – клад: ночью петухом или собакой видится. Как Али-Баба, богат поселок. Но за хлебом – очередь... Когда давали муку – кило на голову, все сонное поголовье – мороз не мороз – снималось с печи. Засахаренный поручень крыльца однажды поймал меня за язык. Магази́нская техничка отливала водой мою любовь к прекрасному... На миру не плачут. Взвыл гудок. Трижды: значит, мороз – за сорок: в школу не идти. А я и не училась еще...

Матушка-печка – родовое, неотделимое: и ясли, и детсад. Каждый кирпичик знал репертуар пионерского хора. Нехорошим частушкам меня научили зятья Вилен и Дима. Зятья – итог роковой встречи двух лесоповалов: гражданского и ЗК. Лет через двадцать Вилен на западноказахстанской целине боевой орден. Кто ж знал?

...Помню, боевые хлопоты зятьев: обещанный ими сюрприз обернулся ведерным чугуном на костре. Аромат свел с ума всю улицу: пельмени! Не праздник, а праздник! Патефон являл голос Утесова. И все бы хорошо, но вдова Ореста, Чеботаева, три дня искала упитанного пуделя.

И уж, верно, не из-за страшных подозрений напала на меня сыпная корь: сознание уносило по широкой трубе и – стоп! Я – в теплых руках: ни хвори, ни кори. «Чудо! – говорила мама. – Господь ее в маковку поцеловал! Я уж отпевать думала».

Но впереди была жизнь. И столько чудес, что господь не всегда успевал целовать без войны виноватую...

Судьбу предсказала тетя Шура. Ладонь – контурная карта. Впадины из-под лба, как из-под яра, вперились, считывали жизнь.

– Здесь жить не будешь. Уедешь в город, не большой – не маленький. Муж – полувоенной дисциплины. Детей двое: не скажу, кто вперед. – Огорчила: – Богатой не будешь. – Успокоила: – На жизнь хватит. Люди к тебе будут относиться с уважением. – К черточкам у запястья наклонилась: – Не прорезались еще... кажется, второй муж будет.

– Хоть бы был, хоть бы был! – обрадовалась я второму.

Теть Шура взоржала: «Забудь до поры!» Я забыла и про гаданье, и про этот день моего тринадцатилетия.

Лет через двадцать «из не большого – не маленького» Уральска приехала с дочкой, сыном в родные края к брату. Муж «полувоенной дисциплины» при фуражке с кокардой, бороздил фарватер Урала.

...Теть Шурин вдовец, узанный мною у калитки кладбища, рассказал об отце:

– Жил отшельником. «Сожителка» навещала лишь в святой день пенсии. Зашел раз на победный праздник к нему. Усы и борода его сплелись. Выстриг ход для рюмашки. И хоть тараканом закуси, ни крошки... Король Лир: детей шестерка – нейдут, не едут. Бывало, висит на изгороди, как ватник: ждал, мол, кого... Кого, не сказал. Я ему – про внуков, он мне – про окопы, про Петьку какого-то...

Заросшая могила подсказала: брат не простил отцу «счастливого» детства.

В девяностые не стреляли, но народ пережил их как войну.

Воробушков сито, и вы голодны?

Лишь вороны сыты в несытые дни...

Безработный период привел меня, позднюю, в журналистику: осваивала новую профессию, как целину.

В работе над очерками о вернувшихся с войны помогал невернувшийся: тот, кто был для меня страхом, стыдом, никем. После – разрывной болью, брошенным младенцем. Теперь скажу: у меня был отец. Он вынес из огня державу, принес домой свое тело, душу не смог: эта невидимая субстанция вселенной должна быть, хотя бы для того, чтобы ее могло найти самое трудное, самое пресветлое на земле слово – «прости».

Шабаренина Тамара Михайловна – поэт, прозаик. Член Союза писателей России. Публикации в журналах «Простор», «Дон», «Гостинный двор». Автор книг очерков «О чём рассказал Урал», «Туристмены», «Сафинские роци». В разные годы вышли поэтические сборники: «Журавлиная стая», «Голос окраины», «Ономастическая трагедия».

